

ТЕМА «ВИНА» В ТВОРЧЕСТВЕ ОМАРА ХАЙЯМА

К знаниям всем сердцем всю жизнь приникаю,
Тайну за тайной умом постигаю,
Только за семьдесят два долгих года
Понял одно: ничего я не знаю.

В данной статье рассматриваются рубаи Омара Хаяма, имеющие глубокий философский смысл. Тема «Вина» в рубаях поэта раскрывается в сравнении с рубаями Рухани.

Имя О.Хайяма хорошо известно на его родине и далеко за ее пределами. Может быть, это самый популярный в Европе и Америке чужеземный поэт: во Франции и в США существовали (а кое-где существуют и сейчас) кабачки, названные по имени Хайяма, клубы последователей Хайяма, многие английские солдаты в первой и второй мировой войне несли в солдатских ранцах томик переводов персидского поэта.

Для таджиков О.Хайям - родной поэт, творчество которого вошло в классическое наследие. Русский читатель знает Хайяма довольно давно – с начала XX века. Широкое распространение получили переводы Хайяма, выполненные О.Румером в 20-х начале 30-х годов, а затем - переводы И.Гхоржевского. Хайям начал писать стихи будучи ученым. Современники знали его как математика, астронома, философа и в меньшей степени как поэта. Мировую известность его рубаи получили после переложения их в 1859 году на английский язык Фицджеральдом. Поэзия Омара Хайяма раскрывает перед нами мир человеческих переживаний. Его рубаи, проникнутые пафосом свободы личности, протестом против несправедливости мира, носят философский характер. В них звучит призыв к наслаждению жизнью.

Будучи математиком, Омар Хайям к явлениям жизни подходил с позиций логического анализа и скептически относился к теологическому учению, высмеивая милосердного и всепрощающего бога и саму идею Страшного суда:

Когда ты для меня слепил из глины плоть,
Ты знал, что мне страстей своих не побороть;
Не ты ль тому виной, что жизнь моя греховна?
Скажи, за что же мне гореть в аду, господь?

Не разделяя взглядов духовенства, Хайям подвергался гонениям, его нередко предавали близкие и друзья. Ненависть к судьбе, к несправедливости жизни нашла свое выражение в стихах:

О небо, к подлецам щедря твоя рука:
Им бани, мельницы и влага родника;
А кто душою чист, тому лишь корка хлеба.
Такое небо – тьфу - не стоит и плевка!

В творчестве Омара Хайяма важное место отведено размышлениям о жизни и смерти. Как ученый, веривший только тому, что подтверждается доказательствами, он отрицал бессмертие человека:

Приход наш и уход загадочны,- их цели
Все мудрецы осмыслить не сумели.
Где круга этого начало, где конец,
Откуда мы пришли, куда уйдем отселе?

В произведениях Омара Хайяма большое место занимают мотивы забвения, желание уйти от мрачных мыслей, которое он находит в вине:

Запрет вина - закон, считающийся с тем,
Кем пьется и когда, и много ли, и с кем.
Когда соблюдены все эти оговорки,

Пить - признак мудрости, а не порок совсем.
Предельно лаконичные рубаи Хайяма полны глубокого философского смысла.
Увы, не много дней нам здесь побыть дано,
Прожить их без любви и без вина - грешно.
Не стоит размышлять, мир этот стар иль молод
Коль суждено уйти - не все ли нам равно?

Тема вина в стихах Хайяма заслуживает того, чтобы остановиться на ней подробнее.
Часто Омара трактуют как гедониста, бездумного певца вина и чувственных наслаждений:

Нищий мнит себя шахом, напившись вина.

Львом лисица становится если пьяна.

Захмелевшая старость - беспечна, как юность.

Опьяневшая юность - как старость, умна.

В определенной мере с этими строками перекликаются некоторые стихи Рудаки:

Налей того вина, что, если капнет в Нил,

То пьяным целый век пребудет крокодил.

А если выпьет лань, то станет грозным львом,

Тем львом, что и пантер и тигров устранил.

Однако вино как поэтический образ у Хайяма и Рудаки имеет существенное отличие: в стихах основоположника персидско-таджикской поэзии и его современников вино является самостоятельным поэтическим «персонажем», выступает как нечто имманентное, самодовлеющее, оно предметно и вполне реально. У Хайяма же вино - вспомогательное поэтическое средство, служащее главным образом для раскрытия сущности лирического героя.

Вопросов полон мир,- кто даст на них ответ?

Брось ими мучиться, пока ты в цвете лет.

Тут, на земле, вином создай эдем,- в небесный

Не то ты попадешь, не то, мой милый, нет.

Трактовка темы вина у О.Хайяма намного глубже, чем в известном классическом жанре хамрийат («винная поэзия»), где описываются как само вино, так и его свойства. Вместе с тем Хайям далек и от суфийского понимания вина, согласно которому этот напиток рассматривается как средство (или как символ) экстатического исчезновения личности, отчуждения ее от всего земного для слияния с абсолютным, т.е. с богом.

Вино в стихах Хайяма - поэтический образ, служащий ему средством самовыражения, самоутверждения и отчуждения от религиозных запретов.

О, если б, захватив с собой стихов диван

Да в кувшине вина и сунув хлеб в карман,

Мне провести с тобой денек среди развалин,-

Мне позавидовать бы мог любой султан.

Для Хайяма вино - символ земных радостей и борьбы с религиозным ханжеством, способ выражения протеста против существующей действительности, бунта против человеческой ограниченности:

Нежным женским лицом и зеленой травой

Буду я наслаждаться, куда живой,

Пил вино, пью вино и, наверное, буду

Пить вино до минуты своей роковой!

Образ возлюбленной, как и образ вина,- средство поэтического протеста автора против существующего:

Брось молиться, неси нам вина, богомол!

Разобьем свою добрую славу об пол.

Все равно ты судьбу за подол не ухватишь-

Ухвати хоть красавицу за подол!

Красавица, вино, трава и цветы в стихах Хайяма поставлены в оппозицию с райскими розами, земное противопоставлено неземному, бытие - небытию.

Снова вешнюю землю омыли дожди,

Снова сердце забилося у мира в груди.

Пей с подругой вино на зеленой лужайке,

Мертвецов, что лежат под землей, разбуди!

Читатель давно полюбил Омара Хайяма за независимый, гордый дух его стихов, за чеканный, строгий стих и ясность поэтического выражения.

Растить в душе побег унынья - преступленье,

Пока не прочтена вся книга наслажденья.

Лови же радости и жадно пей вино:

Жизнь коротка, увы! Летят ее мгновенья.

Омар Хайям - наиболее самобытный, не похожий ни на кого другого и вместе с тем - самый общечеловечный.

Литература:

1. Короглы Х.Г. Классическая восточная поэзия. - М., 1991. - С. 12, 711.
Рипка Ян. История новоперсидской литературы. - М., 1989